

Чтобы свеча не погасла...

Елена Жуковина,
ведущий архивист Государственного архива Липецкой области

Когда-то один из создателей общества «Мемориал» сказал, что у России сложная национальная память, потому что у нее было сложное прошлое. Светлая память о Великой Победе соседствует с памятью о страшной ее цене. Память о достижениях — с памятью о цене великих строек. Память об искренней вере в новую, справедливую, счастливую жизнь, ради которой трудились, воевали и вновь трудились миллионы, — с памятью о ГУЛАГе, о репрессиях, бессмысленном уничтожении многих ни в чем не повинных людей. И неправильно, нечестно, безнравственно, если памятью, которая рождает гордость за народ, будет оттеснена, заслонена память, оставляющая в душе горечь и боль.

Потому-то появился в нашем календаре День памяти жертв политических репрессий. Он нужен не только для поминовения униженных и размолотых в лагерную пыль соотечественников, но и для того, чтобы понять, как такое могло происходить. Да, работала безжалостная государственная машина преследований и расправ. Но в каждом деле осужденных, приговоренных непременно были подшиты два-три листочка с доносами соседей, сослуживцев, случайных собеседников. Каждая трагедия невинно обвиненных начиналась с чьей-то подлости, зависти, корысти, трусости или узколобо понимаемой идеологической и политической бдительности. Об этом нельзя ни забывать, ни умалчивать.

Вот почему 30 октября мы зажигаем свечи, вот почему и те, кто сам пережил гонения, лежал на лагерных нарах и надрывался на лесоповале, и те, кого чаша сия минула, пытаются отдать себе отчет о причинах происходивших в стране в 20-е, 30-е, 40-е годы беззаконий.

В октябре 1989 года в Липецке узники сталинских лагерей и родственники погибших узников впервые собрались в сквере возле бывшего кинотеатра «Октябрь». В этом сквере когда-то стояла скульптура Сталина. А неподалеку располагалось здание липецкого суда. С тех пор такие митинги проходят ежегодно.

А тогда на первом митинге председатель общества «Мемориал» очень точно сказал: «Нас собрала здесь общая боль. Я задаю себе вопрос: откуда бралось в годы террора столько палачей? Ведь их с трудом отыскивали на Руси даже во времена столыпинской реакции. А мы целые десятилетия жили рядом с ними. И это не могло пройти бесследно... Долг нашего поколения — возратить молодым всю нравственную правду».

После этих слов вспыхнули свечи, наступила минута молчания. Потом люди рассказывали о своих судьбах и судьбах погубленных близких. А еще говорили о сооружении памятника репрессированным. Узница концлагеря призналась: «Нам уже недолго осталось жить. И мне надо успеть поставить свечу и возложить цветы к памятнику невинным жертвам за расстрелянного отца и мать, умершую после допросов, за мужа, который десять лет провел в лагерях, за ребенка, пропавшего после того, как меня забрали... За всех, кому закрывала глаза на смертном одре в лагере...»

В резолюции, принятой в тот день, сход постановил: местом сооружения памятника считать сквер возле кинотеатра «Октябрь». Весной 1990 года закладной камень памятника «Жертвам произвола и политических репрессий с 1917 г.» был освящен. Но самого памятника нет до сих пор.

Есть имена расстрелянных, попавших за колючую проволоку, сосланных, которые известны всем. Крупные ученые, военачальники, политические деятели, писатели. Но от клеветы, произвола, стратегии устрашения пострадали и самые обычные люди. Иногда поражаешься, как слепо и тупо всей своей мощью государство, режим придавливали их либо вообще уничтожали. Не секрет: на пике репрессий тридцатых годов на ряде липецких предприятиях некому было встать к станку. Мне, архивисту, знакомы совершенно абсурдные обвинения, гомавшие жизнь совсем молодым нашим землякам.

Листаю архивно-следственное дело трех девушек.

Что преступного числилось за ними? Оказывается, в обеденный перерыв в помещении библиотеки они... проводили антисоветские действия. Какие? А надругались над бюстом Сталина. Они якобы «со смехом обнимали бюст, хватили его за нос со словами: «Вот из-за кого мы мучаемся», «Скажи, когда кончится война?» А одна из девушек протянула бюсту стакан молока и сказала: «Нате кушайте».

Даже если все это было именно так, называть подобные, в сущности, детские выходки антисоветской деятельностью — дико. К тому же доносчики и обвинители постарались какие-то моменты исказить, преувеличить. Как писала потом одна из обвиняемых в комиссию по реабилитации: «Это произошло по ложному доносу, из-за зависти». Подоплека случившегося оказалась действительно бессовестной. Все началось с того, что в организацию, где работали девушки, пришел новый начальник особого отдела, до того служивший в НКВД. Он, женатый человек, отец двух детей, начал ухаживать за одной из них. Та, защищаясь от домогательств, рассказала о них секретарю комсомольской организации. Вмешался зам. начальника по политической части. Назойливого Дон Жуана даже вызвали в Москву и потребовали прекратить преследование подчиненной. Вернувшись, «он бросил командировочное удостоверение и произнес такие слова: «Придется тебе пролить слезы», и на третий день нас арестовали».

Свидетельницей по делу проходила женщина, которую должны были судить за расхищение имущества. Но суда над ней так и не было: видимо, учли ее «политическую сознательность». А девушек благодаря ее показаниям арестовали. Им не давали сутками есть, вызывали каждый час на допрос и днем, и ночью. «И когда сказали, пойдете в холодный подвал, по своей молодости я решила сказать, пишите, что вам нужно, я подпишу, так как я уже была изнеможена от голода...» Двух обвиняемых осудили на восемь лет лишения свободы и три года поражения в правах, третью — на шесть лет. Приговор был окончательный и обжалованию не подлежал.

В 1957 году в пересмотре этого дела отказали. Уже в 1990-м одна из осужденных писала в очередном письме в комиссию по реабилитации: «... Я думала, что уже умру с пятном на своей невинной душе, но все-таки, пока жива, решила просить вас пересмотреть мое дело, надеясь получить от вас положительный, утешительный ответ, чтобы мои родные и близкие не думали, что я «враг народа»... Допросы, тюрьма, лагеря подорвали мое здоровье. Осталось жить совсем мало. Может случиться, что я не дождусь ответа. Однако еще раз убедительно прошу пересмотреть мое дело и восстановить справедливость ко мне. Прошу реабилитировать меня, за что до конца дней своих буду сердечно благодарна». Наконец, в 1991 году девушек реабилитировали.

История простая и страшная. Одна из сотен и тысяч столь же простых и столь же горестных историй, потрясающих той легкостью и неотвратимостью, с какой творилась расправа. Когда мы повторяем святые слова «Никто не забыт, ничто не забыто», я убеждена: они должны относиться не только к героям, павшим на войне за Родину, но и к пострадавшим от неправых, бессмысленных политических репрессий.